

ЧЕХОВ В ХОРВАТИИ

(1897–1997)

Обзор С.Николетич (Хорватия)

Будучи по рождению и по духу русским писателем, Чехов удивительным образом сумел преодолеть границы национального: его личность и творчество нашли пути к умам и сердцам людей не только на его родине, но и во всем мире. Не стала исключением и Хорватия, где интерес к произведениям Чехова, возникший еще при жизни писателя, не ослабевает и поныне. Знакомство хорватских читателей с чеховскими сочинениями происходило наплывами, волнообразно, что связано, в первую очередь, с многочисленными поворотами в драматичной истории страны: в конце XIX — начале XX вв. Хорватия находилась в составе Австро-Венгрии; после Первой мировой войны, с 1918 — в составе Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев, затем с 1929 г. была частью Королевства Югославии; с 1941 по 1945 годы существовало Независимое Государство Хорватия; после Второй мировой войны, с 1945 года Хорватия входила в состав Югославии, а в 1991 году сформировалось независимое государство — Республика Хорватия. Каждое из этих событий влекло за собой коренные изменения и в осмыслении культурного наследия. В отношении Чехова интересно то, что во все эти времена на его творчество всегда смотрели с большим уважением и любовью. Причина этого, очевидно, кроется в значимости общечеловеческих ценностей, воплощенных в лучших чеховских образах, а также в известном писательском кредо Чехова, согласно которому для художника обязательна лишь “правильная постановка вопроса”, а не “решение вопроса”. Мысль о вневременной актуальности чеховской формулы подтверждается в высказывании современного хорватского писателя Неделько Фабрио (передача хорватского телевидения, апрель 2002): “Роль писателя не в том, чтобы давать ответы, а в том, чтобы выявить проблемы и указать на них. Если писатель дает ответы, это уже становится политикой... Писатели должны быть вне этого...” (этот перевод, как и все остальные, — мой. — С.Н.).

Во второй половине XIX века влияние русских писателей на хорватскую литературу ощущалось особенно сильно. Именно русская литература способствовала становлению и развитию хорватской литературы в период зарождения мысли о свободной, культурно и политически независимой от австро-венгерского влияния Хорватии. Прямого контакта с Россией не было, и знакомство с русской литературой происходило через немецкие переводы произведений русских писателей. В 1880-е годы известный хорватский публицист и лексикограф Б.Шулек в журнале “Виенац” с сожалением пишет об этой ситуации:

“У нас еще думают, что Россия отстала в духовном развитии от западной Европы и что она очень медленно развивается в области образования; и никому даже и не приходит в голову брать с нее пример... У нас так думают, потому что все свои знания о России мы получаем из туманных немецких ис-

точников. Но если в интересах немцев показать Россию как колосса на глиняных ногах, мы должны узнать Россию такой, какая она есть на самом деле. И только когда мы ее узнаем из первоисточника, мы сможем с гордостью смотреть на наших русских братьев”¹.

Влияние русской литературы на хорватскую никем не навязывалось и поэтому приветствовалось (в отличие от австро-венгерского). Но, вбирая в себя все лучшее, что давала русская литература, хорватская литература не опустилась до простого подражания. Писатель и историк Йосип Бадалич по этому поводу замечал: “...наши художественные и идейные решения в произведениях отдельных писателей-реалистов, когда они отличались, по причине специфики общественных условий, от решений русских писателей, являлись все же специфически нашими (т.е. хорватскими. — С.Н.)... <...>Именно такой была и осталась та хорватская литература, которая в нужный момент выбрала в качестве учителя самую талантливую литературу в мире”².

Имя молодого Чехова, уже вступившего на путь реформ в области литературы и театра, не могло не заинтересовать хорватскую публику, увлекавшуюся русской литературой. Хорватские писатели и переводчики начинают переводить чеховские произведения уже в конце 80-х годов XIX века. С другой стороны, несколько позднее и в творчестве самого Чехова появляется упоминание хорватского города Опатия. В рассказе “Ариадна”, написанном в 1895 году, дается итальянское название этого города — “Аббация”. Писатель побывал там осенью 1894 г. Свои впечатления от Опатии Чехов выражает устами главного героя рассказа, провинциального интеллигента Шамохина, который из любви к холодной Ариадне покидает духовно ему близкий тихий и спокойный мир, уезжает из России и обретается на фешенебельных курортах Европы, вызывающих в нем чувство отвращения. Оказавшись в Опатии, Чехов в письме Ф.О.Шехтелю жалуется на то, что в этом городе скучно, идет дождь, море хуже, чем в Ялте, и людская толчея. То же настроение передано в “Ариадне”: «Я так много и всякий раз с таким умилением читал про этот рай земной, что когда я потом, подсучив брюки, осторожно переходил через узкую улицу и от скуки покупал жесткие груши у старой бабы, которая, узнав во мне русского, говорила “читирь”, “давадцать”, и когда я в недоумении спрашивал себя, куда же мне, наконец, идти и что мне тут делать, и когда мне непременно встречались русские, обманутые так же, как я, то мне становилось досадно и стыдно. Тут есть тихая бухта, по которой ходят пароходы и лодки с разноцветными парусами; отсюда видны и Фиуме, и далекие острова, покрытые лиловатою мглой, и это было бы картиной, если бы вид на бухту не загромождали отели и их dependance’ы нелепой мешанской архитектуры, которыми застроили весь этот зеленый берег жадные торгаши, так что большею частью вы ничего не видите в раю, кроме окон, террас и площадок с белыми столиками и черными лакейскими фраками» (9, 118–119). Больному писателю не хватало солнца, тепла, спокойствия и тишины — но всего этого не было в Опатии, которая в эти годы и в самом деле начинала превращаться в фешенебельный европейский курорт, становилась шумной, многолюдной и полной суеты.

ПЕРЕВОДЫ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЧЕХОВА НА ХОРВАТСКИЙ ЯЗЫК

Произведения Чехова стали известны за рубежом еще при его жизни в переводах на английский, немецкий, французский, венгерский, польский, хорватский, словенский, сербский, чешский, словацкий, японский, финский и другие языки. Ранее всего чеховским творчеством заинтересовались в славянских странах. В конце 80-х годов XIX века в Хорватии появляются пере-

воды, выполненные М.Марекевичем, И.Гойтаном, А.Харамбашичем, Н.Андричем, П.Ракошем, Л.Ковачевичем, М.Ловреневичем.

Среди хорватских переводчиков особенно выделялся Никола Андрич (1867–1942), хорватский писатель и филолог, драматург и директор Хорватского народного театра с 1920 по 1921 г. Андрич также был одним из основателей Театрального училища в Загребе и Хорватского народного театра в городе Осиек. Его позиции в отношении хорватского языка во многом отличались от тех, которые были у иллирийцев, мечтавших о едином южнославянском языке. Никола Андрич активно выступал за пуризм в языке.

Немалую известность и признание получил также переводчик Аугуст Харамбашич (1861–1911) — хорватский поэт, юрист, активный участник политической жизни Хорватии и борец за национальное освобождение от Австро-Венгрии. Хотя современники ценили его произведения, сегодняшняя критика помнит его преимущественно лишь как большого патриота.

Наряду с известными деятелями культуры, произведения Чехова переводили и анонимные переводчики.

Среди первых чеховских произведений, напечатанных на хорватском языке, были рассказы “Разговор человека с собакой” (Razgovor čovjeka s psom) и “Дочь Альбиона” (Kći Albiona). Оба перевода были выполнены А.Харамбашичем и опубликованы в 1888 году в загребском ежедневнике “Обзор” соответственно в номерах 218 (от 22.09) и 229 (от 05.10). См. 2, 564 и 3, 613 (без имени переводчика)^{1*}.

Из многочисленных рассказов Чехова при жизни автора на хорватский язык были переведены: “Случай из судебной практики” (Slučaj iz sudbene prakse. — Hrvatska, Zagreb, V, 1890, br. 188; см. 2, 572); “Темною ночью” (Tamnoj noćju. — Hrvatska, Zagreb, 5/1890, br. 188; см. 2, 575); “Трифон” (Trifon. — Hrvatska, Zagreb, 5/1890, br. 183; см. 2, 576); “Конь и трепетная лань” (Konj i plaha košuta. — Hrvatska, Sušak-Zagreb, 1889, br. 264; ѓм. 4, 532); “Мертвое тело” (Mrtvo tielo. — Hrvatska, Sušak-Zagreb, III, 1888, br. 251; см. 4, 533) (переводы названных рассказов принадлежат также А.Харамбашичу); “Именины” (Na imendan. — Tjednik bjelovarsko-križevački, Bjelovar, XII, 1901–1902, br.8; ѓм. 7, 727); “Рассказ госпожи NN” (Pripovijest gospođe N. — Hrvatsko pravo, 1897, br. 465; Pripoviest. — Novi viek, Split — Zagreb, III, 1898, br. 12; Liepa uspomena. — Živila Hrvatska, Kalendar, 6/1899, s. 80–84; Liepa uspomena. — Hrvatsko pravo, Zagreb, 1900, br. 1312–1313; см. 6, 726); “Володя большой и Володя маленький” (Volodja veliki i Volodja mali. — Hrvatska, Zagreb, 1894, br. 19, 20, 21; см. 8, 520) (переводчики этих трех рассказов неизвестны); “Рассказ неизвестного человека” (Pripoviest nepoznata čovjeka. Prev. M.Lovrenčević. — Prosvjeta, Zagreb, I, 1893, br. 14–27; см. 8, 523 — перевод М.Ловреневича) и многие другие.

Драматургия Чехова получила в Хорватии гораздо большее распространение, чем его проза. Интересно, что первым иностранным языком из тех, на которые переводилась драма “Чайка”, был именно хорватский. Пьеса (под названием *Galeb*) печаталась по частям в загребском журнале “Vienac” в 1897 г. (номера 12–14 и 16–21). Позже появились прижизненные переводы “Чайки” на чешском (1899), словенском (1901), немецком (1902) и болгарском (1903) языках. В 1897 г. на хорватский язык был переведен также “Медведь” для постановки в Загребском театре (перев. Ивана Гойтана). В печати же перевод этого водевиля появился в 1903 г. (см. 11, 442).

^{1*} В 1888 г. А.Харамбашич перевел еще несколько рассказов Чехова. См.: 2, 572 и 574 (“Размазня”, “Смерть чиновника”) и 3, 616 (“Хамелеон”) — *Ред.*

OBZOR.

Br. 229.

U Zagrebu, u pevak B listopada

1888.

Govor na predplatu.

1. Riječi govornika su ujedno i poziv na predplatu. Govornik govori o važnosti predplate i o tome kako se ona odnosi na razvoj i napredak naše domovine. Govornik ističe da predplata nije samo način plaćanja, već i znak podrške i povjerenja u budućnost domovine. Govornik poziva sve građane da se uključe u predplatu i doprinesu razvoju domovine.

Usporena na politiku mladih.

Govornik uspoređuje politiku mladih u različitim zemljama. Govornik ističe da mladi u različitim zemljama imaju različite uloge u politici. Govornik ističe da mladi u našoj domovini imaju važnu ulogu u razvoju domovine. Govornik poziva mlade da se uključe u politiku i doprinesu razvoju domovine.

LISTAK.

Kći Albiona.
Govornik govori o kćeri Albiona. Govornik ističe da kći Albiona je simbol našeg naroda i naše domovine. Govornik ističe da kći Albiona je simbol našeg heroizma i našeg patriotizma. Govornik poziva sve građane da se uključe u našu borbu za slobodu i nezavisnost domovine.

Govornik govori o važnosti predplate. Govornik ističe da predplata nije samo način plaćanja, već i znak podrške i povjerenja u budućnost domovine. Govornik poziva sve građane da se uključe u predplatu i doprinesu razvoju domovine.

Usporena na politiku mladih.

Govornik uspoređuje politiku mladih u različitim zemljama. Govornik ističe da mladi u različitim zemljama imaju različite uloge u politici. Govornik ističe da mladi u našoj domovini imaju važnu ulogu u razvoju domovine. Govornik poziva mlade da se uključe u politiku i doprinesu razvoju domovine.

LISTAK.

Kći Albiona.
Govornik govori o kćeri Albiona. Govornik ističe da kći Albiona je simbol našeg naroda i naše domovine. Govornik ističe da kći Albiona je simbol našeg heroizma i našeg patriotizma. Govornik poziva sve građane da se uključe u našu borbu za slobodu i nezavisnost domovine.

Govornik govori o važnosti predplate. Govornik ističe da predplata nije samo način plaćanja, već i znak podrške i povjerenja u budućnost domovine. Govornik poziva sve građane da se uključe u predplatu i doprinesu razvoju domovine.

Usporena na politiku mladih.

Govornik uspoređuje politiku mladih u različitim zemljama. Govornik ističe da mladi u različitim zemljama imaju različite uloge u politici. Govornik ističe da mladi u našoj domovini imaju važnu ulogu u razvoju domovine. Govornik poziva mlade da se uključe u politiku i doprinesu razvoju domovine.

LISTAK.

Kći Albiona.
Govornik govori o kćeri Albiona. Govornik ističe da kći Albiona je simbol našeg naroda i naše domovine. Govornik ističe da kći Albiona je simbol našeg heroizma i našeg patriotizma. Govornik poziva sve građane da se uključe u našu borbu za slobodu i nezavisnost domovine.

Govornik govori o važnosti predplate. Govornik ističe da predplata nije samo način plaćanja, već i znak podrške i povjerenja u budućnost domovine. Govornik poziva sve građane da se uključe u predplatu i doprinesu razvoju domovine.

Usporena na politiku mladih.

Govornik uspoređuje politiku mladih u različitim zemljama. Govornik ističe da mladi u različitim zemljama imaju različite uloge u politici. Govornik ističe da mladi u našoj domovini imaju važnu ulogu u razvoju domovine. Govornik poziva mlade da se uključe u politiku i doprinesu razvoju domovine.

LISTAK.

Kći Albiona.
Govornik govori o kćeri Albiona. Govornik ističe da kći Albiona je simbol našeg naroda i naše domovine. Govornik ističe da kći Albiona je simbol našeg heroizma i našeg patriotizma. Govornik poziva sve građane da se uključe u našu borbu za slobodu i nezavisnost domovine.

НАЧАЛО РАССКАЗА ЧЕХОВА «ДОЧЬ АЛЬБИОНА»
Загреб, газета «Обзор», № 229, 5 октября 1888 г.
Перевод А Харамбашича
Загреб, Архив Национальной университетской библиотеки

Интерес к Чехову наблюдался во многих городах Хорватии, о чем свидетельствует количество переводов некоторых произведений, например: "В суде" (Pred sudom. — Smotra dalmatinska, Zadar, XVI, 1903, br. 57; Crvena kuća. — Tjednik bjelovarsko-krizevački, Bjelovar, XIV, 1903–1904, br. 43; U sudu. Prev. J.A.Popović. — Srd, Dubrovnik, 3/1904, br.16–17; см. 5, 680); "Произведение искусства" (Sviećnjak. — Vjesnik županije virovitičke, Osijek, 8/1899, br. 15; Novi list,

Kad' srce nema na svijetu tome,
Pa što nam dade da se o njoj snije?
Ne prazno bolje da se grudi lome,
I' čuvstvu ljuta da se guja krije?

Na uzdarje ti ova srca mika,
I osjećaja, čuvstva blaženoga!
Te čovjek neka stupa uz čovjeka
K'o hladan tabak jedan kraj drugoga.

Što sagriješili veličanstvu tvome
Ja sitan crvak u zemaljskom prahu.
Da s teško boli grudi mi se lome,
A daš pade u prvom zamaš 1?
Što opsjeni me srca lakokrla,
Pa topla traka pretvori se led?
Što? — —
Tvoja iskra dokle plamtii miša
Ispriat mi je i igaraz red — —

Tagomir Stauropić.

Galeb.

Komedija u četiri čina. Ručki napisao A. F. Čehov, preveo Milan pl. Mareković.

L I Č I N :

IRINA NIKOLAJEVNA ARKADINA, po mišu TREPIJEV, glumica.
KONSTANTIN DAVYDLOVIČ TREPIJEV, ojezo sio, mlad čovjek.
PETAR NIKOLAJEVIČ BORIS, njen brat.
MIRA MIHAILOVNA ZARJEČNAJA, mlada djevojka, keš bugarski
vlastelica.
ILIJA ATANASJEVIČ ZARJEČEV, umirovljeni poručnik, upravitelj
u Sočuu.
POLINA ANDREJEVNA, njegova žena.
MAŠA, njegova kći.
BORIS ALEKSEJEVIČ TRIOBEN, književnik.
ZYDORIS ZYDORJEVIČ BORN, liječnik.
FRANK FENKROVIČ MEDVJEDENKO, učitelj.
JAKOV, sluga.
KUMAR.
SOPRANICA.

Nadoja se događaj na zapisku Sočuvu. Iameditu trećega i
devetoga čina protekla dvije godine.

Prvi čin.

Dio perivoja na imanju Koričova. Širok dvoran, što vodi
od glazbeni u dubinu perivoja k jezaru, zagrađena estradom,
koja je nedavno zbijena za domaću pozorištu. tako da se jezaro
ne vidi. Lijeva i desna uz estradu grmlja. Nekoliko stolica i stol.
Tek je zapalo mračno. Na estradi, im spuđena sedara, JAKOV i
drugi radnici; čuje se kašalj i jupa. MAŠA i MEDVJEDENKO vtu-
čujući se na ležanje, dolaze s ljeva.

MEDVJEDENKO. Zašto vi uvijek nosite erminu?

MAŠA. To je trgovanje za mojim životom. Nesretna sam.

MEDVJEDENKO. Zbog čega? (Zamislil ee.) Ne pojmiš...

Vi ste zdravi, otac vam je, ako i nije baš bogat, a ovaj
dosta imućan. Ja živim mnogo teže, nego li vi. U svemu
dobivam 23 rublja na mjesec, od toga mi još i za miru-
vinu odbijaju, pa ipak ne nosim ermine. (Sjednu.)

MAŠA. Ne radi se taj o novcu. I sirotan može biti
sretan.

MEDVJEDENKO. To je teorija, a u praksi je ovako:
ja, majka, dvije sestre i brat, a plaću u ovom 23 rublja.
Znate, da treća jesti i piti. Treća čaja i sladora. Treća
duhana. A ti, eto s tim prtljaj.

MAŠA (ogleda se na estradu). Naskoro će započeti
predstava.

MEDVJEDENKO. Da. Glumit će Zarječnaja, a komad je
napisao Konstantin Gavrille. Oni su zaljubljeni jedno u
drugo i danar će se njihove duše slijebiti u tekaji, da
pobedu jednu te istu najvjetničku silu. A u mojoj duši
i u vašoj nema zajedničkih dodirnih točaka. Ja vas ljubim,
ne mogu od žudnje za vama sjediti kod keče, svaki dan
prodjem pjesice čest vrsta ovatio, a čest naitrag i maluzim
mimo indiferentizam a vaše strane. To je poželjivo. Ja
sam bez sredstava, imam ovcu obitelj... Odakle volje
pući za čovjeka, koji sam neura šta da jede!

MAŠA. To su trice. (Smije dahan.) Vam nu ljubav
daju, na ja vam ne mogu uzvracati milo za drago, i to
je sve. (Pruda mu kufiju s duhanom.) Izvolite.

MEDVJEDENKO. Ne da mi se. (Stanka.)

MAŠA. Zagušnjivo je. Po svojoj prilici bit će noćni bura.
Vi nepruštano filozofirate ili govorite o novcu. Po vašem
sudu nema teče nesreće, nego što je sirotništvo, a po
mom je tkač puta laglje bodati u trajama i prosvjećiti,
nego li... U ostalom vi toga ne možete pojmiti...

(Boris i Trepijev dolaze s ljeva.)

BORIS (opirući se o stol). Meni, brate, ne mlu svu
nešto nedostaje; poava je poželjivo i ja se taj nikad ne ću
priviknuti. Sinoć sam legao u deset sati i jutro su pro-
budio u deset a takvim osjećajem, kao da mi se je od
dugoga sna mozak prilijepio uz lubanju i tako. (Smije se.)
A posljedje objela nenoslano vam opet zaspaio i mila sam sav
sretno te osjećam kao da mi je mora legla na sve živce...

TREPIJEV. Istina je, tebi je utvno da živš u gradu.
(Opaziv Mašu i Medvjednku.) Gospodo, kad se pred-
stava počne, pozvat će vas, a mala na smijete biti ovdje.
Ođijite, molim vas.

SOPRANICA (Maši). Marija Hlinična, hvalilo tako dobru, pa
zamolite svoga tatku, neka naredi, da se pak odveže, jer
loače evili. Sestra opet nije eljelo noći spavala.

НАЧАЛО ПЬЕСЫ «ЧАЙКА»

Загреб, журнал «Виенац», № 12, 20 марта 1897 г.

Перевод М.Марековича

Загреб, Архив Национальной университетской библиотеки

Sušak — Rijeka, 4/1901, br. 79; Umjetnica. — Narodna odbrana, Osijek, 2/1903, br. 294; см. 5, 692); "Недоброе дело" (Zlo djelo. — Smotra dalmatinska, Zadar, 5/1892, br. 25; Hrvatska, Zagreb, 1892, br. 35; Nedjelo. Prev. S.Lukić — Pobratim, II, 1892, br. 2; Zločin. — Tjednik bjelovarsko-križevački, Bjelovar, 3/1892—93, br. 27; Zlo djelo. — Hrvatska, Zagreb, 1894, br. 49; Zločin. Prev. A.Antunović. — Bog i Hrvati, Kalendar, Zagreb, 6/1899, s. 123—126; Zlo djelo. — Obzor,

Zagreb, 40/1899, br. 131; Crno djelo. — Bog i Hrvati, Kalendar, Zagreb, VII, 1900, s. 122–124; Zlo djelo. — Obzor, Zagreb, 41/1900, br. 49; см. 6, 721).

Переводы чеховских сочинений на хорватский язык не ограничиваются теми, что были сделаны при жизни автора — проза и особенно драматургия Чехова привлекали к себе и переводчиков последующих поколений. Из современных переводных изданий наиболее известна вышедшая в 1997 году книга “Četiri drame” (“Четыре драмы”), где представлены переводы “Чайки”, “Дяди Вани”, “Трех сестер” и “Вишневого сада”, выполненные современным хорватским писателем и драматургом Чедой Прицей. Книга получила положительные отклики, поскольку существует потребность в новых, современных переводах классики. Однако если сопоставить переводы Ч.Прицы с более ранними переводами Б.Шкритека (1960) и В.Герича (1982) (что может быть темой отдельного исследования), даже по нескольким фрагментам переводов комедии “Вишневый сад” видно, что его варианты хорватского текста дальше от оригинала. В частности, в следующем отрывке:

“Аня: И мама не понимает! Сядем на вокзале обедать, и она требует самое дорогое и на чай лакеям дает по рублю”, —

удивляет ошибка Прицы: фрагмент “...и на чай лакеям дает по рублю” он переводит как “i za narudžbu čaja daje rubalj za parojnicu” — “официантам дает рубль даже когда чай заказывает” (заметим, что идиома “дать на чай” есть в русско-хорватском словаре).

В переводах же Шкритека и Герича выражение “дать на чай” передано более точно:

У Шкритека:

Lorahin: A mama ne shvaća! Sjednemo na stanici da ručamo, a ona naručuje najskuplja jela i daje lakaju rubalj parojnice — ...и дает лакею рубль на чай.

У Герича:

A mami ništa nije jasno! Sjednemo mi na željezničkoj postaji i objedujemo, a ona naručuje sve najskuplje, a posluži daje po rubalj parojnice — ...и прислуге дает рубль на чай.

Еще один показательный пример — перевод диалога Гаева и Раневской из второго действия:

“Гаев: Мне предлагают место в банке. Шесть тысяч в год... Слышала?

Любовь Андреевна: Где тебе! Сиди уж...”

В переводе Прицы этот фрагмент передается так:

Gajev: Nude mi mjesto u banci. Godišnje šest tisuća... Čula si me? — Мне предлагают место в банке. Шесть тысяч в год... Ты слышала?

Ljubov Andrejevna: Kamo bi ti! Tu sjedi... — Куда ты! Садись сюда...

В то время как у Шкритека та же реплика Раневской переводится иначе:

Nije to za tebe! Radije sjedi doma... — Это не для тебя! Лучше сиди дома...

Герич дает следующий перевод:

Kud bi ti! Ta sjedi kod kuće... — Куда тебе! Сиди уж дома...

Безусловно, перевод Герича лучше всего передает суть фразы Любви Андреевны. Читателю понятно, что она не верит в силы Гаева. Из перевода Прицы это не явствует.

Конечно, ни один переводчик не желает преднамеренно исказить мысль автора, но объективно иногда случается именно это. К.Чуковский, один из наиболее талантливых русских переводчиков, говоря о своих коллегах, отмечал, что даже перед лучшими из них при переводе Чехова на иностранный язык встают непреодолимые трудности. Чуковский выделял в качестве ос-

новых проблем богатство языка, особую мелодику и музыкальный ритм произведения. Тщательный анализ современных переводов может показать, что эти трудности не являются непреодолимыми.

ТВОРЧЕСТВО ЧЕХОВА И ХОРВАТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА: ПЕРЕСЕЧЕНИЯ И ПАРАЛЛЕЛИ

Хотя хорватские читатели начали знакомиться с чеховскими произведениями в конце 80-х годов XIX века, влияние Чехова, особенно его театра, на хорватских писателей и драматургов рано искать в конце XIX века. В подтверждение этой мысли можно привести отклик, напечатанный в журнале “Виенац” от 2.10.1897, на рассказ Чехова “Мужики”:

«Произведение А.П.Чехова, вышедшее несколько дней назад отдельным изданием, а несколько месяцев назад в “Русской мысли” № 4, стоит того, чтобы его перевести и высоко оценить. Таких произведений мы давно не читали. Чехов и его “Мужики” напоминают те давние времена, когда появились Гоголь, Тургенев, Достоевский со своими знаменитыми романами. Это произведение перевел господин М.Ловреневич на хорватский язык и опубликовал его в “Хорватском праве” еще несколько месяцев назад, сразу после его появления в “Русской мысли”, но не думаю, что кому-нибудь это пошло на пользу, поскольку в газетах люди обращают больше внимания на новости дня, чем на такие важные произведения».

При жизни Чехова его сочинения пользовались популярностью среди хорватской интеллигенции. Многие хорватские писатели, читавшие по-русски, знакомились с ними в первоисточнике. В числе почитателей Чехова были известные хорватские авторы, внесшие заметный вклад в национальную драматургию — Иво Войнович, Мирослав Крлежа, а ныне и Миро Гавран.

ЧЕХОВ И ИВО ВОЙНОВИЧ

Весьма интересно сопоставление творчества Чехова и Иво Войновича — между ними обнаруживается много общего. Иво Войнович является одним из самых известных хорватских драматургов. Родился Войнович в Дубровнике в 1857 году — он почти ровесник Чехова. У Войновича, как и у Чехова, была “настоящая” профессия — в 1879 году он закончил юридический факультет и работал на государственной службе юристом. Только позднее, в 1907 году, под влиянием бана³ Пеячевича, Войнович становится драматургом Хорватского народного театра в Загребе. Перед Первой мировой войной за антиавстрийскую деятельность Войнович был арестован, и время, проведенное в тюрьме, серьезно отразилось на его здоровье. Болезнь долго мучила его, и он скончался от нее в 1927 г. Темой произведений Войновича часто бывал Дубровник — город-республика, символ и оазис свободы, находившийся между великими империями — Австро-Венгрией, Турцией и Венецией. Литературную работу Войнович начал как автор рассказов; первое его произведение, опубликованное в 1880 году (год литературного дебюта Чехова) называется “Гераниум”, и подписано оно псевдонимом Сергей П., выбранным, безусловно, под влиянием русской литературы. Позднее он пишет комедии, одна из них — “Психо”, но эти произведения не имели особого успеха. Только последующие драмы раскрывают его особый и сильный талант. Сочинение, заслуживающее особого внимания, называется “Dubrovačka trilogija” (“Дубровницкая трилогия”) и состоит из трех частей.

Первая часть — “Allons, Enfants!..” (1901) — начинается словами “Марсельезы”. Действие происходит в доме Орсата Великого 27 мая 1806 г. — в день, когда в Дубровник вошли французы. Орсат, в отличие от других господ, хочет противостоять французам, сохранить независимость Дубровника и вместе с народом сражаться против французов. Он ожидал помощи от Черногории, России, даже Турции, но в своем патриотизме оказался одинок. Французы входят в город, и Орсат отказывается даже от любимой женщины, потому что не хочет иметь детей в рабстве. Орсат жалеет о прошлом, он не способен представить себе жизнь в новых условиях. Он хочет сражаться, но его доброта, жажда справедливости — все это напоминает отчасти неосуществленные мечты чеховских героев. Республика потеряна и Орсат считает, что даже позор и лицемерие не изменят людей. Они останутся такими, какими были раньше.

Диалог между Орсатом и его возлюбленной Дешой — в духе диалогов в пьесах Чехова:

Деша: Что мы собой представляем сейчас?

Орсат: Рабов.

Деша: Можем ли мы быть счастливыми после этого?

Орсат: Может быть — если забудем.

Деша и Орсат — порядочные, добрые люди. Такие люди есть и у Чехова. Они не в силах приспособиться к новым жизненным условиям и поэтому выбирают пассивность и смирение.

Во второй части — в пьесе “Сумерки” (1900) действие происходит в доме Бенеш, в 1832 году. Сумерки автор ассоциирует с упадком дубровницкой аристократии. В доме живут мать и три дочери. Они практически нищие, но с гордостью воспринимают свое положение. Младшая дочь отказывается выйти за молодого капитана, потому что он сын крепостного, хотя его любит. Она предпочитает уйти в монастырь. Господа не могут смириться с позором бедности, но дворянская честь и мораль стоят для них выше всего, даже выше жизни.

Между матерью и младшей дочерью идет диалог:

Мара: Серебро, жемчуга, кольца — все, все продано...

Павле: Медленно, медленно все исчезло в этом бедном доме. Мы осиротели!

Эта семья не думает о том, как целесообразно устроить свою жизнь, а подобно чеховским героям только жалеет о прошлых временах:

Мара: Мы еще живем, доченька, красотой былых дней.

Когда молодой человек, капитан корабля Луйо, потомок крепостных, предлагает Павле, младшей дочери Бенеш, выйти за него и избавиться от бедности, Павле в ответ на это предпочитает жить воспоминаниями в гордой нищете, считая, что это лучше, чем ломать старые порядки:

Павле: Кто вытащит хоть одну плиту из этих треснувших стен, уничтожит наш род, тогда умрет наше господство.

В третьей части трилогии — “На террасе” (1902) — действие происходит на вилле госпара⁴ Лукшы в 1900 году. Старая аристократия живет тихо, отдаваясь воспоминаниям о былых временах. Для молодых открываются новые пути — племянница Орсата Великого становится учительницей, другие персонажи мечтают путешествовать, уехать в Америку на заработки. Главный герой, госпар Лукша, переживает и личную, и общественную драму. Последняя часть трилогии больше всего напоминает произведения Чехова, особенно если смотреть “Дубровницкую трилогию” в театре. Приведем несколько примеров:

Госпар Лукша: Все вокруг нас меняется, умирает, вновь растет, лес сравнивает овраги, новые люди сеют новые мысли, а мы этого не понимаем...

Или —

Госпожа Маре: Красавица! — Надо жить, надо трудиться”.

Ида: Я зарабатываю на себя, на своих детишек — и наконец — я свободна!

В отличие от Деши, героини первой части “Дубровницкой трилогии”, которая, несмотря на свое дворянство и независимое положение, считает себя рабыней иностранных захватчиков Дубровника, Ида находит свободу в труде. О такой разумной, созидательной силе мечтают многие героини Чехова. Переживания героев “Сумерек” напоминают переживания Гаева и Раневской в “Вишневом саду”. Тем, чем является вишневый сад для чеховских героев, для господина Лукши становится его дом и терраса — символ старой господской жизни. Лукша боится завтрашнего дня, его пугают перемены, он боится, что придут люди, для которых его дом не будет представлять никакой ценности, и снесут его, как срубили деревья в пьесе “Вишневый сад”:

Госпар Лукша: Придет какой-нибудь американец и снесет и дом, и террасу.

Некоторые герои в произведениях Чехова и Войновича не могут смириться с прогрессом, который наносит ущерб природе. Астров в “Дяде Ване” жалуется: “Русские леса трещат под топором, гибнут миллиарды деревьев, опустошаются жилища зверей и птиц, мелеют и сохнут реки, исчезают безвозвратно чудные пейзажи <...> Человек одарен разумом и творческой силой, чтобы приумножать то, что ему дано, но до сих пор он не творил, а разрушал”. Лукша, главный герой пьесы “На террасе”, также сокрушается о нарушенном порядке вещей (см. процитированную выше реплику: “Все вокруг нас меняется...” — т. д.).

Еще один важный момент — в диалоге Лукши и его внебрачного сына Вуко:

Госпар Лукша: Что бы ты, Вуко, делал, если бы тебе дали этот дом...?

Вуко: Если честно, господин мой, я бы его продал.

Госпар Лукша: Продай!.. ха... ха!

Вуко: Еще как... и тогда пошел бы в Конавле и посадил бы виноград.

Как видно из приведенного отрывка, то, что для одного представляет смысл всего его существования — дом, терраса, для другого все это — лишь средство достижения главной для него цели. В пьесе “На террасе” тоже можно найти аналогии с “Вишневым садом” Чехова. Оба писателя будто бы предсказывают поворот свежих, молодых сил от суровой реальности на родине к новой жизни.

Могло бы показаться, что Войнович писал свои произведения под влиянием творчества Чехова, но это не так, их пьесы были написаны одновременно. Известно, однако, что Войнович глубоко уважал, читал и любил русскую литературу. Не исключено, что он читал рассказы Чехова и в них находил вдохновение для своих произведений. Известный хорватский славист профессор А.Флаккер по этому поводу писал: “В своих компаративных исследованиях славянских литератур мы обычно ограничиваемся исследованием влияний одной славянской литературы на другую или утверждаем, что есть культурные связи в различных проявлениях... Но в своей работе мы часто забываем о синхронных появлениях произведений в славянских литературах, которые происходят без прямого контакта — как следствие сходства литературно-исторических процессов”⁵.

Если “Дубровницкая трилогия” Войновича в силу схожести в наших странах социально-исторической обстановки и славянского характера во многом

напоминает пьесы Чехова “Дядя Ваня”, “Три сестры” и “Вишневый сад” и написана одновременно с ними, то комедия Мирослава Крлежи “Леда”, созданная в конце 20-х годов XX века, появилась в результате прямого влияния драматургии Чехова.

ЧЕХОВ И МИРОСЛАВ КРЛЕЖА

Мирослав Крлежа — один из самых известных писателей XX века в Хорватии. Он писал стихи, социально-психологические новеллы, драмы, романы (антифашистский роман-памфлет “Банкет в Блитве”, роман-эпопея “Знамена”, “Баллады Петрицы Керемпуха”). Его произведения многократно ставились в театрах, а также экранизировались на телевидении и в кино. Осенью 1924 г. Крлежа побывал в Москве. В СССР он провел около пяти месяцев и, вернувшись на родину, опубликовал свои путевые заметки в нескольких популярных журналах. В 1926 г. Крлежа на основе этих очерков написал книгу “Поездка в Россию”. Ни тогда, ни позже эта книга не была издана в СССР, поскольку автор описал в ней свое критическое отношение к советской действительности; появление каждого его нового произведения в русском переводе в СССР сопровождалось резким неприятием советской критики. Крлежа любил Россию, ему близка была идея славянства, но его отношение к этой стране всегда несло на себе отпечаток тоски. Россию он воспринимал как бы вне советского строя.

Хотя Крлежа и Чехов как художники во многом несхожи, у них все-таки есть нечто общее. Редкий драматург XX века, несмотря на оригинальные формы, которые он выбрал для сценического воплощения своих идей, не попадал под влияние Чехова. Это коснулось и Крлежи. В комедии “Леда”, являющейся частью трилогии, в которую также входят “Господа Глембай” и “В агонии”, есть точки соприкосновения с чеховскими пьесами.

В драматургии Чехова отражены изменения, происходящие в обществе, именно такие изменения показывает и Крлежа в своей комедии “Леда”. В “Леде” чувствуется прямое влияние Чехова, чувствуется заимствование отдельных мотивов и приятие автором чеховского видения действительности. Герои этой комедии — дегенерировавшие, потерянные существа, браки которых (заключенные по расчету) неудачны, пустая жизнь полна внебрачных отношений. Кланфар, крупный промышленник, сын бывших крепостных, женат на аристократке Мелите. Они несчастливы в браке. Жена презирает его и терпит только из-за денег, ее раздражают его невоспитанность и нетактичность. Ей кажется, что она влюблена в художника Аурела, женатого человека, который поддерживает также любовные отношения с молодой девушкой, позирующей ему в качестве модели. Мелита мечтает оставить супруга и уехать с Аурелом в Италию изучать живопись. При этом у нее нет ни малейшего представления ни о том, на какие деньги они будут жить, ни согласится ли Аурел на ее план. Постоянно рядом с ней оказывается Оливер Урбан, бывший советник королевского и царского посольства Австро-Венгрии в Санкт-Петербурге. Он заботится о Мелите, указывая ей на нереальность ее мечты.

Как и в пьесах Чехова, в этой комедии нет главного героя, нет прямых столкновений, нет сложного сюжета, и большое значение в диалогах имеет подтекст. Герои “Леды”, как и чеховские, мечтают о будущем, и эти мечты являются сознательным или подсознательным обманом. Так, Оливер Урбан в конце пьесы говорит:

“Мы поговорим о путешествии. О кораблях! И я люблю корабли, поднимающие якорь!”⁶

Корабли, поднимающие якорь, здесь — символ будущей свободы и независимости. Это похоже на то, как у Чехова в “Трех сестрах”, в “Дяде Ване”, в “Чайке” герои в своих несбыточных мечтах говорят о будущем. И хотя стиль Крлежи, с длинными и витиеватыми фразами, существенно отличается от чеховской лаконичности, он, как ни странно, все-таки близок чеховскому. Скорее всего, это связано с тем, что пьеса “Леда” написана Крлежей в молодые годы и является свидетельством художественных поисков писателя, только что познакомившегося с творчеством Чехова и находившегося тогда под его влиянием. Но ощутима разница между отношением драматургов к своим героям. Чехов относится к ним с состраданием, любовью и жалостью, что не исключает и юмора. Крлежа по отношению к своим героям настроен иначе: он смотрит на них с открытой сатирической усмешкой; в отличие от Чехова, он не сочувствует им, но, напротив, презирает, показывает их настоящее лицо. Крлежа так же называет свое произведение комедией, как и Чехов назвал “Чайку” и “Вишневый сад”, хотя комичного там тоже мало. По мнению Б.Хечимовича, Крлежа, пожалуй, единственный хорватский писатель, который с такой искренностью и силой сумел объять и осмыслить время, в которое жил, и показать трагическое положение народа и среды, к которой принадлежал.

ЧЕХОВ И МИРО ГАВРАН

Миро Гавран дебютировал как драматург в возрасте 22 лет в 1983 году в театре “Гавелла”, где была поставлена его драма “Антигона Креонта”. На сегодняшний день Гавран — автор около тридцати произведений для театра, состоялось более восьмидесяти его премьер в десятках стран мира и около пяти тысяч спектаклей было сыграно по его произведениям. В 1991 г. Миро Гавран гастролировал в Грузии с пьесой «Чехов Толстому сказал: “Прощайте!”» и был удостоен звания почетного члена “Союза драматических писателей Грузии”, а в том же году названная пьеса вместе с драмой “Ночь богов” была показана в Вашингтоне. В 1999 г. в Будапеште Гавран был отмечен литературной наградой “Central European Time” как лучший писатель Центральной Европы. Гавран также является лауреатом многих литературных и театральных призов в Хорватии (приз “Марин Држич” за драму, приз “Ивана Брлич Мажуранич” за лучшую детскую книгу, приз “Дней сатиры” за лучшую комедию и др.)

Главными темами его творчества являются темы власти и силы, любви, искусства. В некоторых его драмах действующими лицами являются известные исторические персонажи (“Ночь богов” — Людовик XIV и Мольер, “Любови Джоржа Вашингтона” — Марта Вашингтон и Сильвия Карвер, “Шекспир и Елизавета I” — одноименные исторические фигуры, “Пациент доктора Фрейда” — Фрейд и Гитлер). Исторические лица являются лишь своего рода поводом для создания литературной фикции. В этих пьесах Гавран говорит о любви, ненависти, ревности и о ситуациях, в которых могут оказаться не только простые смертные, но и знаменитые люди. Автор любит историю, но это не биографические произведения. В то же время он не фальсифицирует факты и события, его герои становятся вневременными персонажами. Для Гаврана самыми главными являются актеры и публика — роли он часто пишет для определенных актеров и нередко во время репетиции меняет текст и приспособливает его к актерам. Текст драмы «Чехов Толстому сказал: “Прощайте!”» простой, легко воспринимающийся, сюжет движется в быстром темпе, нет чувства приближающейся трагедии, да и самой трагедии нет.

Герои чеховских пьес страдали, мечтали, в пьесе же Гаврана — лишь несколько выдуманых забавных моментов из жизни двух русских классиков, которые знали друг друга и неоднократно встречались. Те читатели и зрители, кому известны факты из жизни главных героев этой драмы, вероятно, лучше поймут смысл и юмор драмы, а кто не знаком с персонажами, захочет узнать о них больше. “Провоцируя” зрителя, пьеса способствует пробуждению интереса к личностям Толстого и Чехова.

Премьера спектакля в 2000 г. в Сараеве, столице Боснии и Герцеговины, вызвала такие овации, актеров так хвалили, что подобного не случилось несколько лет.

Когда Гавран написал “Антигону Креонта”, то благодарил Софокла, также он мог бы благодарить и Чехова, равно как и Льва Толстого, и извиниться перед последним за некоторую свободу в обращении с его личностью, из-за которой, может быть, он был несправедлив к великому писателю. Эгоцентризм Толстого в этой пьесе напоминает, пожалуй, характер Серебрякова в “Дяде Ване”. В драме Гаврана и Толстой, и Чехов прежде всего — хрупкие люди, постоянно находящиеся в поисках опоры, неуверенные в себе; один — по скромности и молодости, неопытности, другой — по старости, и такими публике они нравятся гораздо больше, т.к. кажутся ближе, человечнее. Это произведение, без сомнения, эффектное, местами полное юмора, увы, ограничивается анекдотами о Толстом и Чехове, не идет дальше, в глубь их отношений. Личности двух гениальных людей слишком сложны и велики для рамок, в которые их ставит Гавран. Критик Романа Влахутин считает, что Толстому на этом спектакле было бы скучно, а Чехов, может быть, получил бы удовольствие; в журнале “Око” 22.02.1990 она отмечает: “Толстого всегда интересовали выдающиеся люди и их судьбы, Чехов интересовался повседневной пустотой”.

Пьесы Войновича, Крлежи и Гаврана неоднократно присутствовали в репертуаре хорватских театров на протяжении последних ста лет. Как бы они выглядели без влияния Чехова на драматургов и режиссеров, нельзя даже и предположить.

ПЬЕСЫ ЧЕХОВА В ХОРВАТСКОМ ТЕАТРЕ

Несколько слов об истории проникновения русской драмы на хорватскую сцену.

Первым человеком, попытавшимся включить постановки русских произведений в репертуар хорватских театров, был романист и театральный критик Аугуст Шеноа. Он резко критиковал администрацию театров за то, что они не ставили русских авторов, а довольствовались немецкими и французскими пьесами. “Разве им не известны имена поляков Корженевского, Фредро и русских Грибоедова, Гоголя и Островского?” — писал Шеноа в 1866 году. ...

Премьера первого русского спектакля — комедии “Ревизор” Гоголя — состоялась 26.04.1874 г. Тогдашние загребские критики сумели правильно понять значение этого спектакля. В третьей четверти XIX века у театральных деятелей в Хорватии еще не было связей с театральной жизнью России и русские пьесы в репертуарах появлялись только sporadически. В следующие 20 лет, до прихода Степана Милетича на пост интенданта Хорватского народного театра, русский репертуар был скромным. Эра Милетича в этом загребском театре является одной из самых светлых эпох в театральной жизни Хорватии. Во времена его руководства Хорватским народным театром (1894–1898) состоялось 10 русских драматических премьер. Началось все с “Май-

орши” И.В.Шпажинского и “Приступа страсти” Н.О.Ракшанина. Затем последовала комедия “Ирэн” Т.Л.Щепкиной-Куперник. В 1896 году в первый раз показали комедию Грибоедова “Горе от ума”, хотя и в прозаическом переводе филолога Т.Маретича.

В 1897 г. состоялась также премьера первого драматического произведения Чехова на загребской сцене (и на хорватской сцене вообще). Это спектакль “Медведь”, шутка в одном действии. Затем следует премьера “Женитьбы” Гоголя и вторая премьера “Ревизора”. Ставится также пьеса менее известного автора О.К.Нотовича “Без выхода”, затем следует премьера “Грозы” Островского. Цикл завершает “Власть тьмы” Толстого. После того, как Милетич ушел с поста руководителя театра, постановки пьес русских авторов не прекратились. Для этого уже существовали все предпосылки. XIX век завершают премьеры “Тайги” В.Ангарина, “Жизни” И.Н.Потапенко и П.А.Сергеенко и “Татьяны Репиной” А.С.Суворина. В это время среди читателей появился особый интерес к русской книге. Этот интерес, конечно, нашел отражение и во внимании публики к театральным произведениям. Большую роль в этом сыграл драматург Никола Андрич, который переводил Чехова.

Новый век в русском репертуаре открывает малоизвестный В.Л.Величко с комедией “Первая муха”, но за ним последуют ведущие представители русской литературы. В 1902 году состоялись три премьеры Чехова — “Предложение”, “Лебединая песня” и “Дядя Ваня”. Перед премьерой “Дяди Вани” Никола Андрич напишет объемную статью для газеты “Народне новине”, в которой впервые проинформирует хорватскую публику об основании МХТ, о пьесах Чехова и Горького. В 1903 г. состоялись премьеры пьес Гоголя и впервые — Горького (“Мещане”, также в переводе Андрича). Премьера “Мещан” в Хорватии последовала всего через девять месяцев после премьеры в России. В 1903 году на хорватской сцене была премьера еще одного произведения Горького — “На дне”.

Во время Первой мировой войны из-за австрийской цензуры было невозможно ставить произведения русских писателей, поскольку это были произведения “врагов”. Такая ситуация продолжалась до 1916 г., когда администрация театра проявила смелость и поставила в репертуар пьесы русских писателей. Первым произведением, “сломавшим лед”, был “Вишневый сад” Чехова, за ним последовал “Ревизор” Гоголя, а в декабре 1916 г. — инсценировка рассказа Достоевского “Вечный муж”. В 1917 г. зритель увидел два русских спектакля на загребской сцене — “Власть тьмы” Толстого и “Недоросль” Фонвизина. В последний год войны была поставлена только драма “Ревность” М.П.Арцыбашева, но спектакль не пользовался успехом и его быстро убрали из репертуара. В 1919 г. в Загреб приезжает работать режиссером Я.Осипович, русский по происхождению, который сделал новую постановку “Дяди Вани”. В это же время в Загребе работает известный актер и режиссер дореволюционной России Я.Е.Озаровский, до этого в течение трех десятилетий игравший и ставивший пьесы Грибоедова, Гоголя, Чехова. С декабря 1920 по март 1921 г. состоялись гастроли группы Качалова в Загребе. Эти гастроли стали важным событием для театральной жизни Загреба и всей Хорватии. Но после отъезда артистов Художественного театра хорватские режиссеры неохотно ставили русских классиков, опасаясь со стороны зрителей и критики невыгодного сравнения режиссуры и актерской игры с мхатовскими постановками. Поэтому в театре начинают ставить менее известных в Хорватии русских авторов (О.Дымова, Н.Н.Евреинова, Л.Н.Андреева, С.С.Юшкевича). В эти годы в Загребе было основано театральное училище, которое в

U subotu 22. veljače 1902.

Predstava 196. U predbrojci. Serija VI. Nepar br. 5.

Prvi put:

PROVALNIK.

Drama u jednom činu. Napisa M. Maeterlinck, preveo A. M. Redatelj g. Savić.

OSOBE:

Stjepan djed
Otar
Ljubi
Ursula
Grozovica
Grozica
Milošević
Stoković

G. Boršković
G. Gerac
G. Harbort
Gajdo Hrdić
Gajdo Šanjak
Mala Lesarčevića
Gajdo Repulin
Gajdo Savić

Vrijeme sadašnje.

Zatim

Prvi put:

REZBARI.

Tragedija dobrih ljudi u jednom činu. Napisa K. Schönhart, preveo N. Vavra. Redatelj g. Vavra. Pijan.

OSOBE:

Franz Kumpfner
Gubhard Peraltiner
Mari Peraltiner, Gubhardov otac
Ana Kumpfner, Franziava žena
Mojzer, katarac
dr. Walder, optimisti liječnik
Sesak dočelnik
Mjekarić
Pudolario
Fruzi
Anja

G. Včan
G. Halković
G. Freudenberg
Gajdo Hrdić
G. Marković
G. Dondorović
G. Šipčić
Gajdo Marković
Gajdo Vavra
Mali Toman
Mala Lesarčevića

Mjesto: granično selo u gorama. Vrijeme: sadašnjost.

Zatim

Prvi put:

U PROSI.

Sala u jednom činu. Napisa A. P. Čehov, preveo M. pl. Mirković. Redatelj g. Savić.

OSOBE:

Miljan
Katalja
Ivan Vasiljević
Čin se zbiva na imanju Gubharda.

G. Savić
Gajdo Vavra
G. Dondorović

Ukupna cijena ulaznica: 1.000.000. II. red u 7/8 i III. red u 1/8. Nepar 7.

Dramske cijene.

Blagajna se otvara u 7, početak u 8, a svratak u 10 sati.

АФИША ВОДЕВИЛЯ «ПРЕДЛОЖЕНИЕ»

Загреб, театр «Хрватско земальско казалиште»

Премьера 22 февраля 1902 г.

Загреб, Архив Национальной университетской библиотеки

качестве экзаменов на актерском и режиссерском факультетах выбирало в основном произведения русских писателей, в том числе часто — Чехова. О спектаклях учеников актерского училища “Палата № 6” и “Юбилей” в постановке режиссера А.А.Верещагина драматург, писатель и режиссер Милан Бегович (1876–1948) впоследствии писал: “В их игре мы отмечаем движение вперед, ушла первоначальная скованность и неуверенность. Самое главное, что им мешает — это непоставленный голос, это Ахиллесова пята нашего актерского училища. У нас хорошие учителя, сильный русский режиссер, но учителя дикции нет. <...> Режиссер, господин Верещагин, постарался на славу, внес много любви и старания в эту постановку, а в этой мрачной чеховской драме

Kralj. zemaljsko hrvatsko kazalište

U subotu 18. ožujka 1916.

Prodajna 228. A. 52.

Prvi put:

TREŠNJK

Komedija u četiri čina. Napisa A. Čukov. Prvoe *Dezobov*

Redatelj: Josip Bah.

OSOB E:

Prostorić Ljubo Andrejara, vi- velika	Nerija (Rudica-Srnan Anka Radanović Milo Stanković	Šerbo (trgovac, guvernera Spodnja Šerbo (Panteljević, kon- vojera	Fausta (stama Franjo (stama Muzika (stama Taz (stama Isto (stama Prostorić Nadani (stama Kara (stama
--	--	---	---

Poslije prvog i drugog čina daju stancije.

Redakcija 19 u 17/2 sati „Kraljevo Mese“, lat. predbr. No riter „Yessa“, lat. predbr.

Dramatske cijene:

Prvo mjesto u prisostije za 4 osobe	10 K 40	Sjedište u katu u I katu	2 K 10 C	Stolica I red	2 K 10 C
Kata u prisostiju za 4 osobe	10 K 40	Sjedište u katu u II katu	1 K 10 C	Stolica II red	1 K 10 C
Kata u I katu za 4 osobe	3 K 40	Čaršnja I. i II. red	3 K 20 C	Stolica III red	—
Kata u II katu za 4 osobe	1 K 20	Parquet I. red	2 K 20 C	Stolica VI red 4410	—
Sjedište u prisostiju kati	2 K 10	Parquet II.—IV red	2 K 40	Stolica u parteru za dvoje	—
Sjedište u katu u prisostiju	2 K 20	Parquet V.—X. red	2 K 10	Otkrovanje galerija	—
		Parquet XI. i XII. red	1 K 70		

Kamioni smetnja blagajna otvorena je od 9-1 prije podne i od 3-5 sat poslije podne.

Sjedišta s lijeve strane dobivaju se u kazližari p. Trpinca, Mica B., Oktagon i Prorađevićeva ulica 1. (Palaca prve hrvatske štedionice.)

Blagajna se otvara u 7 početak u 7¹/₂, a svršetak poslije 10¹/₂ sati.

АФИША СПЕКТАКЛЯ «ВИШНЕВЫЙ САД»

Загреб, театр «Кралевско земальско хрватско казалиште»

Премьера 18 марта 1916 г.

Загреб, Архив Театрального музея

(имеется в виду инсценировка “Палаты № 6”. — С.Н.) актеры имели возможность показать, на что способны”⁷.

Во время Второй мировой войны русский репертуар был снят с хорватской сцены, впрочем, не только русский, но и других славянских народов. Однако уже в марте 1945 г. в городе Задар вновь ставят пьесы Чехова — сначала “Предложение”, а потом “Медведь”.

Характерно, что именно пьесы Чехова во все сложные периоды хорватской истории (Первая и Вторая мировая войны; годы запрещения и изъятия из репертуара русских драматических произведений), в силу их общечеловеческой направленности и неполитизированности, были первыми пьесами, “разбивающими лед” на хорватской сцене.

1897 год является важным годом в театральной жизни Хорватии. В этом году не только сделан первый иностранный перевод “Чайки” на хорватский язык, в этом году, как было сказано, также впервые на хорватской сцене был поставлен “Медведь”. Последующее распространение драматургии Чехова в

Хорватии продолжалось в течение всего XX столетия: умножался чеховский репертуар, расширялась и география их постановок.

Одним из поворотных моментов, открывшим новые ориентиры в работе хорватских актеров и режиссеров над чеховскими пьесами, безусловно, стали вышеупомянутые гастроли МХАТ в 1921 году в Загребе. Вот что об этой постановке “Вишневого сада” писал Милан Бегович:

«Такие драмы не любят трупп, не имеющих сильных актеров. <...> Только славянская глубина и немецкая художественная четкость могут открыть жизненную правду “Вишневого сада”. Перед нами выступала однородная труппа, которая стоит на прочном фундаменте, заложенном еще основателями этого известного театра. Их “Вишневый сад” показал “всю теплоту повседневной жизни”. Их игра проста средствами выражения, глубока впечатлениями — зрители временами забывали, что это театр. Русские актеры, без сомнения, отличные и редкие художники, но ценнее всего их совместная игра. Каждый на своем месте, никто себя не выделяет, никто не мешает — потому, что так бывает и в жизни! Конечно, в ансамбле есть и сильные актеры, есть и послабее, но самый слабый не так плох, чтобы испортить общее впечатление. Госпожа Книппер-Чехова в роли Раневской показала все свое мастерство, и нам только жаль, что из-за незнания русского языка, мы пропустили прекрасные детали ее роли. Господин Массалитинов блестяще сыграл роль Лопахина. Совершенному впечатлению от этого спектакля мешала сценография, не находившаяся на уровне МХАТа»⁸.

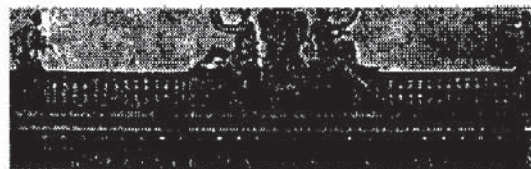
Постановки чеховских пьес в Хорватии указаны в их перечне за столетие 1897–1997 гг. (см. Приложение). Ниже мы приведем важнейшие отзывы хорватских критиков о постановках пьес Чехова в 1970–1990-е годы.

В газете “Вьесник” (26.12.1973) было объявлено, что в театре “Гавелла” состоялась премьера пьесы Чехова, была дана и краткая характеристика самого произведения: «“Пьеса без названия” — это диагноз жизни, поставленный Чеховым»». В следующем отклике на “Пьесу без названия” автор М.Гргичевич в газете “Вечерни лист” (17.12.1973) уже подробно рассматривает эту пьесу, ее смысл, значение, мораль: «Дело не в пессимизме и не в оптимизме, а в том, что у девяноста девяти из ста нет ума»^{1*} — это одно из утверждений Чехова, которое можно отнести к “Пьесе без названия”. В этом своем раннем и самом большом драматическом произведении Чехов с гениальной проницательностью юмориста делает этот недостаток разума очевидным. <...> Автор не судит, и эта сложная психологически-экзистенциалистская драма глазами юмориста снимает патетические одежды, обнажает, и мы не можем остаться равнодушными, потому что, даже при всей насмешке, пьеса дышит теплым юмором, который, даже становясь мрачным, светит в темноте. Режиссер четко определяет отношения между героями, дискретно стимулируя их комическую сторону. А полнота и многослойность внутреннего напряжения появились бы, если бы герои дали намек на таинственное, неопределенное, что есть в пьесе. Актеры играют слишком поверхностно, без глубины.

По мнению автора статьи, хотя актер, играющий главную роль (В. Дулич) обладает определенным обаянием, это все-таки не Платонов. Актеры старшего поколения доказали свое мастерство, и в маленьких ролях конкурируют с исполнителями больших ролей.

В третьей критической статье по поводу этого же спектакля автор отмечает трагикомичность пьесы Чехова, его способность видеть возвышенное в трагичности бытия. 22.12.1973 г. Далибор Форетич пишет в газете “Вьесник”:

^{1*} См. 9, 183 (“Дом с мезонином”).

Intendant: Kosta Spaić
 Direktor drame: Petar Sarčević

GALEB
 (Čajka)

Napisao: Anton Pavlovič Čekov

Preveo: Kiril Taranovski
 Redaktor prijevoda: Božidar Skritek
 Redatelj: Jan Kačer k. g.
 Scenograf: Otokar Schindler k. g.
 Kostimograf: Ike Škomrlj
 Dramaturgijski suradnik: Predrag Jirsak
 Pomoćnik redatelja: Radovan Grahovac

Osobe:

Irina Nikolajevna Arkadina . . .	Neva ROSIĆ
Konstantin Gavrilovič Trepļjov . . .	Amir BUKVIĆ
Petar Nikolajevič Sorin	Zlatko CRNKOVIĆ
Nina Mihajlovna Zarečna	Koraļjka HRS
Ilija Afanasjevič Samarjev	Franjo ŠTEFULJ
Pollna Andrejevna	Minja NIKOLIĆ
Maša	Branka CVITKOVIĆ
Boris Aleksejevič Trigorin	Boris BUZANCIĆ
Jevgenij Aleksejevič Dorn	Tonko LONZA
Semjon Semjonovič Medvedenko	Dragan MILIVOJEVIĆ
Jakov	Duško GOIĆ
Sobarica	Ivana NOVAK

ЧАЙКА

Загреб, Хорватски народни театар

Премјера 7 јуна 1976 г

Обложка и прва страна програма

“Чехов нам со сцени показува настояшу живот. Ничто не лажно, он не лажет даже во ијма идеи... Таким образом, показати, што живот и трагична и смешна, што едно с другим иди рука об руку, означае и критику, и воспеваније жизни, Чехов види трагедију не в какој-то инопланетној возвишенности, но возвишенност в трагичности, како многузначителност смисла бытия”. По мненију автора статије, вја драма — это крик об искренней, настояшей человетности, о којој все мечтают, и этой драмой Чехов достигает простоты классических пьес. В отличие от предыдущего критика, Фортит убежден, што режиссер мастерски сумел показати нюанси поведенија и “чеховску атмосферу драме”.

7.06.1976 г. в Хорватском народном театре состоялась премьера “Чайки”. По этому поводу в нескольких хорватских периодических изданиях возникла полемика между критиками. В газете “Вьесник” 12.06.1976 г. критик Б.Ежич, в статье под названием “Соревнование Чехова и Качеры” пишет, што спектакль проходит в атмосфере соревнования между автором пьесы Чеховым и

ее чешским режиссером Качерой, который старался как можно лучше освоить чеховскую поэзию меланхолии. У критика есть замечания по костюмам и сценографии, а актеры, по его мнению, были слишком скованны из-за режиссера. С другой стороны, критик И.Пульзевич в журнале “Око” (17.06.1976) отмечает, что чешский режиссер сумел дать толчок существующим и потенциальным, скрытым актерским качествам драматического ансамбля Хорватского народного театра; он справился с пьесой, на которой “сломались” многие известные режиссеры мирового уровня. В отличие от Ежича, Пульзевич считает сценографию очень удачной. Полемика касается в основном мастерства режиссера и актеров. В статье М.Гргичевича “Драма о драме” (9.06.1976, “Вечерни лист”), сценография признана монотонной, но при этом похвально оценена игра актеров и высказано удовлетворение тем, что “публика на премьере наградила режиссера и актеров сердечной овацией”.

Двумя годами позже состоялась премьера “Вишневого сада” в Сплите. Критик Б.Ежич (10.03.1978, “Въесник”) в рецензии сожалеет, что постановщику В.Кляковичу не хватает режиссерского воображения и это отражается в определенной незаинтересованности актеров. Только к концу пьесы режиссер всеми сценическими средствами — движением, музыкой, танцем — показывает скрытый внутренний мир чеховских героев, живущих своими нереализованными мечтами. И.Грлушич в газете “Недельна Далмация” (12.03.1978) с сожалением отмечает, что режиссер не сумел показать всю прелесть этого произведения, особенно такие тонкие моменты, когда комическое переливается в трагическое и обратно.

В апреле 1978 г. в загребском театре “Гавелла” состоялась премьера “Иванова”, о чем писала Гргичевич (“Вечерни лист”, 12.04.1978): “Возвращение к великой драматической литературе одновременно означает и возвращение к актеру, вызов и доверие к его возможностям. Это особенно ощущается, когда речь идет о произведении А.П.Чехова, которое всем так близко, но о нем очень сложно говорить”. Автор статьи считает, что “Иванов” — не самое лучшее произведение Чехова, но оно идеально для нахождения новых путей сценического выражения. Критик с похвалой отзывается об актерах, которые сумели показать и трагическое, и комическое без ложной сентиментальности. 14.04.1978 г. в газете “Въесник”, Д.Форетич замечает: “Из года в год мы открываем для себя, что Чехов является духовным предшественником таких состояний, которые Беккету и Ионеско помогли привести форму гражданского театра к абсурду... Чехова обычно, а у нас (в Хорватии) почти всегда, воспринимают как росток доброй, старой реалистической школы”. Этот спектакль черпает внутреннюю силу из выдающейся и размеренной актерской игры. В конце статьи Форетич делает вывод, что спектакль, со своей тонкой красотой, блестящим юмором и сдержанной драматичностью, является “настоящим Чеховым” нашего времени и наслаждением для глаз и души.

Режиссер И.Кунчевич, поставивший спектакль “Иванов”, в интервью газете “Въесник” (9.04.1978) заметил: “Чехов является одним из авторов, который имел счастье или несчастье работать с таким сильным театральным режиссером, каким был Станиславский, который своим восприятием чеховских произведений наложил на них свою печать, и она на какое-то время как бы скрыла от нас такого современного писателя. Но если судить по всему, что происходит в мире и у нас, кажется, что повторное исследование Чехова становится потребностью многих театральных деятелей”. Однако нелишне вспомнить, что и сам Чехов не всегда был доволен постановками Станиславского.

Но в 1978 г. премьеры произведений Чехова происходили не только в Загребе, но и в Вараждине, в театре “Аугуст Цесарец”. На этот раз была сыграна “Чайка”. Уже известный нам критик Б.Ежич, съездив на премьеру, писал о ней (“Въесник”, 14.04.1978), что и режиссер Вечек, и сценограф Марина Гоззе сумели хорошо сценически организовать постановку, но иногда актеры слишком по-своему исполняли свои роли, чем не помогли ни себе, ни спектаклю.

В конце июня 1983 г. состоялась премьера “Вишневого сада” в театре “Марин Држич” в Дубровнике. Критик Д.Форетич (“Въесник”, 22.06.1983) считал, что ансамбль театра показал вдохновенную и однородную игру под руководством гостя-режиссера из Загреба И.Кунчевича, хотя в спектакле, по мнению критика, не хватило до конца выделенной тонкой границы, которая отделяла бы жизненную правду от лжи. “Возможно ли вообще в этой комедии, полной недоразумений, найти эту границу?” — спрашивает критик и делает вывод: “Ее горечь заключается в том, что она ужасно напоминает жизнь, которой мы живем. Мы вообще понимаем, когда действительно живем, а когда лжем? Можем ли мы тогда требовать ответа со сцены, как от нашего зеркала?”

В Загребе, в мае 1984 г., после премьеры “Трех сестер” критик Н.Фрндич (“Борба”, 9.05.1984) высказывает мнение, что современный театр пережил авангардные поиски, несмотря ни на что, и наступило более зрелое, более осознанное время, к которому можно отнести постановку “Трех сестер” режиссера Ивицы Кунчевича. В журнале “Око” (24.05.1984) критик Ж.Стублия считает, что режиссер Кунчевич и актеры корректно выполнили свою работу, но спектакль не является великим, достойным чеховского произведения: “Двери драмы всего лишь открыты...”.

Между некоторыми премьерами чеховских спектаклей в Хорватии проходит слишком много времени, словно режиссеры забывают о классиках. В марте 1997 г. состоялась премьера “Трех сестер”, всколыхнувшая театральный мир Хорватии. Критик Мария Гргичевич в газете “Вечерни лист” (18.03.1997) писала: «Только Загребскому молодежному театру (ЗКМ) известно, зачем были нужны два спектакля (“Три сестры” и “Дядя Ваня”) из наследия Чехова, как будто этим можно изгладить долгое игнорирование классиков. Этот спектакль оставляет впечатление сонливости, зритель тонет в пустоте и скуке. Эффекты — как зрелищное взбирание на хрустальную люстру, с которой всеми забытый Чебутыкин бросает обувь, и сцена изнасилования (имеется в виду сцена между Соленым и Ириной), которой сам Чехов никогда не писал, не помогают общему впечатлению». Критик Лидия Зозоли в журнале “Обзор” (22.03.1997) комментирует “своеобразный” подход режиссера П.Магелли к Чехову: “Магелли без всякой милости относится и к героям Чехова, и к актерам. В обоих спектаклях много агрессивной жестокости, которая временами, но очень эффектно выходит на поверхность и переходит в почти стилизованный дикий жест. Сестры в моменты, когда они должны быть нежными, рвут друг другу волосы, Наташа бросает старую няню на пол, а особо жестоким было со стороны режиссера раздеть Соню перед зеркалом, ведь она и так несчастна”. А Наташа Говедич в журнале “Виенац” (27.03.1997, № 84/5) отмечает: “Паоло Магелли совсем промахнулся мимо оригинала. Почему он выбрал творчество деликатного и тонкого Чехова? <...> Сцену изнасилования Ирины бедный Антон Павлович не написал бы даже в бреду”.

Критики возмущены приемами, которые использует режиссер. Спустя несколько месяцев состоялась премьера этого спектакля в городе Сплите.

Очень резким оказался отзыв критика Анатолия Кудрявцева, который в газете “Слободна Далмация” (5.12.1997) не скрывает своего отношения к постановке Магелли: “...все что-то кидают, перевертывают, но, наверное, не актеры виноваты в этом — наверное, они делали то, что от них требовал режиссер, но с Чеховым ни один из них не вступил в контакт, каждый свою роль сфальсифицировал. Уважаемые гости из Загреба просто опозорили Чехова, и сплитской публике, которая и не имела большого опыта знакомства со спектаклями Чехова, показали не то”.

Можно сделать вывод, что в данных отзывах на постановки пьес Чехова в основном обсуждалась и критиковалась игра актеров и работа режиссеров, но то, в чем все критики согласны — это факт, что Чехов был и остается одним из величайших драматургов всех времен. Сто лет спустя после первых премьер чеховских пьес критики уже не обсуждают, хорошо написано произведение или нет, а обсуждают, как справились современники с постановкой этого произведения.

Из года в год мировая чеховиана пополняется новыми работами, углубляющими наше понимание чеховского наследия, и участие в этом процессе деятелей культуры Хорватии, имеющее почти вековую традицию, продолжается.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА ПОСТАНОВОК ЧЕХОВСКИХ ПЬЕС В ХОРВАТИИ^{1*}

Название произведения	Дата премьеры	Перевод	Театр
Медведь	08 02 1897	И Гойтан	Хорватский народный театр, г Загреб
Предложение	22 02 1902	М Маркович	Хорватский народный театр, г Загреб
Лебединая песня	25 11 1902	М Маркович	Хорватский народный театр, г Загреб
Дядя Ваня	25 11 1902	Н Андрич	Хорватский народный театр, г Загреб
Медведь	14 11 1908	И Гойтан	Хорватский народный театр, г Осиек
Медведь	25 03 1915	И Гойтан	Хорватский народный театр, г Осиек
Вишневый сад	18 03 1916	Э Деметрович	Хорватский народный театр, г Загреб
Медведь	14 09 1916	И Гойтан	Хорватский народный театр, г Загреб
Предложение	25 04 1917	Й Ивакич	Хорватский народный театр, г Осиек

^{1*} Данные о спектаклях взяты из кн *Neštović B Repertoar hrvatskih kazališta 1840–1860–1980 Zagreb, 1990*, а также из архива Хорватского радио и телевидения (1970–1997)

Название произведения	Дата премьеры	Перевод	Театр
Предложение	01.02.1919	З.Рогоз	Городской театр, г. Вараждин
Дядя Ваня	14.06.1919	Н.Андрич	Хорватский народный театр, г. Загреб
Предложение В составе сборного спектакля, по пьесам разных авторов	13.06.1921		Публичный экзамен учеников актерского училища, г. Загреб
Юбилей, Палата № 6	19.01.1922	Й.Бадалич, Р.Ристич	Представление учеников актерского училища в Загребе
Палата № 6, Ведьма	06.01.1923		Народный театр Далмации, г. Сплит
Чайка	07.01.1923	М.Маркович	Карловац, гастроли государственного театрального училища
Медведь	23.06.1923		Народный театр Далмации, г. Сплит
Юбилей	23.06.1923		Народный театр Далмации, г. Сплит
Медведь	23.06.1923		Народный театр Далмации, г. Сплит
Медведь	12.03.1925	И.Гойтан	Государственное актерское училище
Предложение	01.03.1945		Народный театр, г. Задар
Медведь	27.03.1945		Народный театр, г. Задар
Предложение	29.05.1946		Народный театр, г. Бьеловар
Дядя Ваня	07.07.1946		Малый театр, г. Загреб
Дядя Ваня	30.01.1947	Й.Бадалич	Представление учеников 2-го курса училища, Малый театр, г. Загреб
Медведь, Предложение	21.02.1947		Театр "Аугуст Цесарец", г. Вараждин
Предложение	21.02.1947		Театр "Аугуст Цесарец", г. Вараждин
Sulla via maestro (На большой дороге)	01.03.1947		Народный театр Иван Зайц, г. Риека (на итальянском языке)
Три сестры	01.06.1948	М.Богданович	Хорватский народный театр, г. Сплит
Юбилей	03.02.1949		Карловацкий театр
Предложение	03.02.1949	С.Хранилович	Карловацкий театр
Одноактные пьесы	20.03.1949		Городской народный театр, Славонска, г. Пожега
Предложение	20.03.1949		Городской народный театр, Славонска, г. Пожега
Юбилей	29.04.1949		Городской театр, город Вировитица

Название произведения	Дата премьеры	Перевод	Театр
Лебединая песня	29 04 1949		Городской театр, г Вировитица
Il giardino dei Ciliegi (Вишневый сад)	01 09 1949		Teatro del popolo, Rovigno
Медведь	06 06 1951		Карловацкий театр
Дядя Ваня	30 12 1954	З Велимирович	Хорватский народный театр, г Сплит
На большой дороге	30 10 1957	Б Мркшич	Карловацкий театр
Сцены из деревен- ской жизни	29 10 1960	В Герич	Театр "Аугуст Цесарец", г Вараждин
Дядя Ваня	19 03 1961	Н Андрич	Хорватский народный театр, г Осиек
Чайка	11 04 1962	К Тарановский	Театр "Гавелла", г Загреб
Три сестры	23 05 1962	П Циндрич	Хорватский народный театр, г Загреб
Юбилей	02 03 1963	Б Мркшич	Народный театр, г Задар
Триптих О вреде та- бака, Юбилей, Лебединая песня	02 03 1963	Б Мркшич	Народный театр, г Задар
Одноактные пьесы	02 03 1963	Б Мркшич	Народный театр, г Задар
Триптих — одноакт- ные пьесы О вреде табака, Юбилей, Ле- бединая песня	02 03 1963	Б Мркшич	Народный театр, г Шибеник
Una domanda di matrimonio versione italiana di Maura Si- moni Malabosi (Предложение)	08 10 1965		На итальянском языке Народ- ный театр "Иван Зайц", г Риека
Zio Vanja (Дядя Ваня)	19 12 1968		Народный театр "Иван Зайц" г Риека (на итальянском языке)
Дядя Ваня	05 04 1969	Й Бадалич	Истарский народный театр, г Пула
Одноактные пьесы	12 08 1969		The National Theatre of the Deaf (Национальный театр для глу- хих) Фестиваль "Дубровские летние игры", г Дубровник
Дядя Ваня	02 10 1970		Городской театр, г Вировитица
Вишневый сад	23 12 1970	Б Шкритек	Хорватский народный театр, г Загреб
Пьеса без названия	14 12 1973	Б Шкритек Б Мркшич	Театр "Гавелла", г Загреб
Пьеса без названия	09 06 1974		Вечера "Гавеллы", г Загреб
Три сестры	11 01 1975	В Герич	Театр "Марин Држич", г Дубровник

Название произведения	Дата премьеры	Перевод	Театр
Медведь	05 04 1975	Р Ившич, Б Шкритек	Театр "Леро", г Дубровник
Una domanda di matrimonio, Le nozze, L'orso (Предложение, Свадьба, Медведь)	11 04 1975		Драматические представления на итальянском языке Народный театр "Иван Зайц", г Риека
Дядя Ваня	25 02 1976	И Бадалич	Театр "Гавелла", г Загреб
Чайка	07 04 1976	К Тарановский	Хорватский народный театр, г Загреб
Чайка	07 06 1976		Хорватский народный театр, г Загреб
Вишневый сад	03 03 1978	В Клякович	Хорватский народный театр, г Сплит
Чайка	12 05 1978	Б Шкритек	Театр "Аугуст Цесарец", г Вараждин
Иванов	09 04 1978		Театр "Гавелла", г Загреб
Медведь, Предложение, О вреде табака	20 05 1978	Р Ившич, Б Мркшич	
Чайка	12 05 1978	Б Шкритек	Театр "Аугуст Цесарец", г Вараждин
Иванов	10 06 1978		Вечера "Гавеллы", г Загреб
Иванов	11 10 1978		Театр "Гавелла", Загреб, гастроли в г Славонский Брод
Дядя Ваня	22 11 1978	В Герич	Театр в гостях, г Загреб
Вишневый сад	12 02 1982	Б Шкритек, В Герич	Театр "Аугуст Цесарец", г Вараждин
Вишневый сад	16 06 1983	Б Шкритек	Театр "Марин Држич", г Дубровник
Три сестры	25 04 1984	Ч Прица	Театр "Гавелла", г Загреб
Предложение, О вреде табака	17 02 1988		Кукольный театр, г Загреб
Пьеса без названия	03 03 1989	Б Шкритек, Б Мркшич	Хорватский народный театр, г Сплит
Вишневый сад	25 10 1990	В Герич	Хорватский народный театр "Иван Зайц", г Риека
Чайка	13 04 1991	Ч Прица	Театр "Гавелла", г Загреб
Три сестры	1997		Загребский молодежный театр (ЗКМ)
Вишневый сад	1997	Ч Прица	Театр "Гавелла", г Загреб
Три сестры	1997	Ч Прица	Театр "Гавелла", г Загреб

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ “Виенац” (“Viepac”) — хорватский литературный журнал, выходил с 1869 по 1903 год. В каком именно № журнала опубликована статья Б.Шулека — установить не удалось.

² Йосип Бадалич (1888—1985) — писатель, историк, славист, переводчик. С 1945 года — профессор русской литературы в Загребском университете, а с 1959 года преподавал в различных университетах мира.

³ Бан — в Хорватии с X века до 1921 года наместник короля; глава вооруженных сил.

⁴ В Дубровнике госпаром называли человека, принадлежавшего к аристократии. Сегодня значение этого слова — “человек с достоинством и хорошими манерами”.

⁵ *Flaker A.* *Nepoznat Netko.* Zagreb, 1963. S. 418.

⁶ *Krleža M.* *Glembajavi Drama.* Zora. Zagreb, 1966. S. 418.

⁷ *Begović M.* *Kritike i prikazi.* Zagreb, 1943. S. 37–39.

⁸ Ibid.